УДК 94 (44).08»1871–1914»

А. В. Бодров

«Лакей Бисмарка»? Жюль Ферри и Германия[1]

Жюль Ферри оставил заметный след в истории французской Третьей республики. При столь характерной для нее частой смене кабинетов, Ферри на протяжении 1879–1885 гг. почти неизменно входил в состав правительства, и дважды — с сентября 1880 по ноябрь 1881 и с февраля 1883 по март 1885 г. — его возглавлял. Этот период политического доминирования «умеренных республиканцев» называют также «эпохой Жюля Ферри». Его, одного из ближайших сподвижников Леона Гамбетты и инициатора широкой реформы французского образования, по праву называют одним из отцов-основателей Третьей республики. Обновленная Ферри школа заложила фундамент республиканского сознания нового поколения французов, чему утвержденный конституционно в 1875 г. шаткий политический режим во многом и оказался обязан своим долголетием.

Однако Жюль Ферри известен также и своей деятельностью на международной арене, являясь одним из главных идеологов французского колониализма. Именно это обстоятельство сделало его в глазах многих современников и последующих исследователей фигурой одиозной. Особенно это справедливо для отечественной историографии. А. З. Манфред, в частности, называл Ферри «грубым и циничным карьеристом и стяжателем», сама

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук («Эльзас-Лотарингия как фактор франко-германских отношений в 1871–1914 гг.», МК-4006.2013.6.).

внешность которого была якобы сочетанием «внешнего, как бы выставленного напоказ благородства и глубоко спрятанной, и всё же проступающей наружу расчетливой жестокости преступника и злодея»[2].

Впрочем, немало современников Ферри вполне разделяло его мировоззрение, в котором народы разделялись на низшие и высшие расы, а последние наделялись «великой цивилизаторской миссией». Франция продолжит стремительно расширять свою колониальную империю и после отставки Ферри. Своей карьерой и репутацией он во многом поплатился не за идеи, а за провалы своей колониальной политики, потребовавшей от Франции сближения с ее главным противником — Германской империей. Отношение самого Ферри к Германии его оппоненты от республиканцев-радикалов до правых националистов, самое мягкое, называли «ультрамиролюбивым»[3]. Куда чаще оппозиционная пресса клеймила его «лакеем Бисмарка» и прямо обвиняла в измене. Направленные против него памфлеты того времени шли дальше тезиса «о постыдном раболепстве» Ферри и его внешней политики перед Бисмарком и указывали на подозрительно большое число близких личных знакомств Ферри, которые связывали его с немцами. Тень антипатриотизма на министра бросал уже тот факт, что его двоюродный брат Эдуард после женитьбы на уроженке Эльзаса переселился в Страсбург, став тем самым германским подданным[4]. Т. Зелдин справедливо писал, что ненависть современников к Ферри в конечном счете приобрела форму «своего рода припадка»[5], что надолго сделало невозможной объективную оценку его личности.

Но действительно ли Жюль Ферри был тем, кто оказался готов предать забвению память об аннексированной Германией Эльзас-Лотарингии, не говоря уже о стремлении вернуть утраченные провинции назад — реванше? Оставляя в стороне подробности таких важнейших направлений правительственной деятельности Ферри, как реформирование французской школы или шаги по отделению церкви от государства, сосредоточимся на проблеме отношения Жюля Ферри к Германии — как на личностном, так и на политическом уровне.

Жюль Ферри принадлежал к тому поколению французов, для которых отношение к современной им Германии приобрело мировоззренческий характер. Поражение 1870 г. произвело подлинный переворот в сознании французской элиты по части представлений о своем ближайшем соседе. Традиционное восхищение германской культурой, идеалистический образ Германии как страны «поэтов и философов», укорененный во Франции еще со времен мадам

[2] *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. С. 158.

[3] Dictionnaire des Parlementaires français de 1789 à 1889 / Sous la Dir. Adolphe Robert & Gaston Cougny. Paris: Bourloton, éditeur, 1889. P. 638.

[4] *Fiaux L.* Pages d'histoire contemporaine. Un malfaiteur public: Jules Ferry. Paris, 1886. P. 177.

[5] *Зелдин Т.* Франция, 1848–1945: Честолюбие, любовь и политика / Пер. с англ. Екатеринбург, 2004. С. 541.

де Сталь[6], столкнулся с неприятием германской политики диктата и захватов, Германии «железа и крови». Так во Франции родилась популярная концепция «двух Германий», двух ликов и двух противоборствующих начал германской нации. Она превратилась в своеобразную формулу, которая устраивала всех: принять образ «хорошей» Германии означало забыть о недавней войне, увековечить «плохую» — явственно выступить за реванш[7].

Жюль Ферри, по-видимому, являл собой яркий пример подобных представлений о немцах. Как проницательно отмечает М. Озуф, для него всегда сохранялась «хорошая Германия», он открыто восхищался германской культурой и после 1871 г.[8] Это восхищение дополнительно поддерживалось глубоким интересом Ферри к живописи, которую в молодости он едва не решился сделать своим профессиональным призванием. Что отличало Ферри, так это готовность идти дальше абстракций и переносить свои представления на вопросы, имевшие острейшее политическое звучание. Так, выступая 30 марта 1890 г. перед членами «Ассоциации Эльзас-Лотарингии», он не побоялся определить Эльзас как край, где сплелись «чистый французский гений и благородный и гуманистичный германский дух», к чему слушатели патриотического собрания едва ли были готовы[9].

При этом поражение 1870 г. не стало для него той катастрофой, которая перевернула бы все его оценки. Он, в отличие от целого ряда французских интеллектуалов консервативного толка, не пережил сомнений в жизнеспособности французов как нации. Он воспринимал патриотизм во Франции как нечто неизменное — то, что можно только развивать и направлять с помощью той же республиканской педагогики, но не создавать заново. Ферри был свободен от спорадических страхов завзятых реваншистов своего времени, подобных Полю Деруледу, Франсуа Коппэ и др., постоянно клеймивших угасание во французах патриотической ненависти к немцам и ослабление решимости бороться за пересмотр Франкфуртского договора.

В публичных выступлениях Ферри неизменно подчеркивал свою веру в жизненные силы французов как народа. Выступая в 1878 г. на открытии монумента павшим в Сен-Реми-де-Вож, он, в частности, отзывался о французах как о «нации, которая возносится вновь, коснувшись самого дна пропасти»[10]. Итоги войны были восприняты им как печальная данность, и коль скоро на какое-то время она казалась неустранимой, нужно было подумать о других путях реализации национальной энергии. Он не считал, что утрата Эльзаса и Лотарингии

[6] *Caro E.* Les deux Allemagnes. Madame de Stael et Henri Heine // Revue des Deux Mondes. 1871. 1 Nov. 2nd Période. T. 96. P. 6.

[7] *Digeon C.* La crise allemande de la pensée française (1870–1914). Paris, 1959. P. 163.

[8] *Ozouf M.* Unité nationale et unite de la pensée de Jules Ferry // Jules Ferry: fondateur de la République: Actes du colloque. Paris, 1985. P. 62.

[9] Ibid.

[10] *Ferry J.* La République des citoyens. Paris, 1994. T. I. P. 125. (“Acteurs de l’Histoire”).

фатально подорвала силы страны, как не подрывала их и колониальная экспансия. В его понимании Франция была призвана стремиться к роли великой державы, она должна «оказывать свое влияние на судьбы Европы, распространяя это влияние на весь мир и неся всюду свой язык, свои обычаи, свой флаг, свое оружие, свой дух»[11].

При этом, как показывает личная переписка Ферри, нет никаких оснований сомневаться в его верности памяти об утраченных провинциях. Ферри был уроженцем городка Сен-Дье в Вогезах, учился в Страсбурге, где у него и после германской аннексии остались родственники и друзья. Он поддерживал исключительно тесные связи с малой родиной, на протяжении всей своей карьеры в качестве депутата Национального собрания избираясь от родного Сен-Дье. Ферри очень гордился своим прозвищем «вогезец», равно как и поддержкой своих земляков[12]. Именно Ферри настоял на исправлении новой франко-германской границы в Вогезах, вернувшем при подписании Дополнительного протокола в октябре 1871 г. Франции франкоязычные кантоны Раон-сюр-Плен и Раон-ле-Ло у подножия горы Донон. Обращает на себя внимание и то, что после обращения в масоны Жюль Ферри предпочел записаться именно в ложу «Эльзас-Лотарингия», которая полвека являла собой, по словам П. Барраля, «прибежище республиканского ирредентизма»[13].

Сен-Дье стал пристанищем для большого числа беженцев из Эльзас-Лотарингии, покинувших родные дома ради сохранения французского гражданства. Быть может, именно поэтому политические оппоненты Ферри в Национальном собрании разыгрывали патриотическую карту — обвиняли его в заискивании перед Германией, в готовности предать национальные интересы страны, ее безопасность на восточной границе. Это, как ничто другое, было чувствительной темой для избирателей Ферри, и способствовало его провалу на выборах 1890 г. Поражение в родном городе стало для политика сильнейшем психологическим ударом и, согласно мнению биографов, приблизило его кончину в 1893 г. Ответом на все обвинения стала знаменитая строчка из завещания Ферри, в котором он просил похоронить его «напротив голубой линии Вогезов, откуда доносится, пронзая мое преданное сердце, стон побежденных»[14].

Человек по своему характеру сдержанный и отстраненный, Ферри не стремился публично афишировать всю глубину своих патриотических чувств. В этом он разительно контрастировал с Гамбеттой, ради достижения эмоционального единения с публикой частенько прибегавшего к демонстративной аф-

[11] *Ferry J.* Discours et opinions de Jules Ferry / Publiés par Paul Robiquet. Paris: Armand Colin et Cie., 1898. T. V. P. 220.

[12] *Barral P.* Jules Ferry, depute des Vosges // Jules Ferry: fondateur de la République: Actes du colloque. Paris, 1985. P. 111.

[13] *Barral P.* Jules Ferry: Une volonté pour la République... P. 72.

[14] *Ferry J.* Discours et opinions... T. VII. 2nd Partie. P. 437. См. также: *Rambaud A.* Jules Ferry. Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1903. P. 489.

фектации приверженности памяти об Эльзасе и Лотарингии[15]. Однако в личных письмах Ферри не раз возвращался к теме скорби и надежды, связывавшей Францию и отторгнутые территории. После посещения окрестностей Страсбурга в апреле 1872 г. Ферри отмечал в письме к брату Шарлю «своеобразный и поразительный переворот в чувствах» эльзасцев: «именно в этом уголке Эльзаса, где прежде хватало насмешек над французским умом, французским характером и над всеми присущими нам, французам, недостатками, теперь <...> питают лишь уважение к Франции, хвалят ее, верят во Францию, утратившую веру в саму себя, любят Францию со всеми иллюзиями и со всем пылом патриотизма в пору его весны». Он заключал: «Нет ничего более трогательного, более утешительного»[16].

Эльзасцы и лотарингцы получили возможность лишний раз проявить свои симпатии к Франции в условиях права на оптацию, которую им давал Франкфуртский мирный договор. После окончания войны около 160 тыс. (10%) жителей аннексированных провинций подали заявление на сохранение французского гражданства, и до 1 октября 1872 г. — момента, с которого за населением Эльзас-Лотарингии автоматически закреплялось германское подданство — не менее 128 тыс. из них эмигрировали во Францию[17]. Подобная массовая эмиграция произвела колоссальное впечатление на французское общество. Далеко не все желавшие располагали возможностью выехать, и это заставляло французов верить в то, что подавляющее большинство жителей не только франкоязычной Лотарингии, но и германоязычного Эльзаса, будь на то их воля, предпочли бы остаться французами. Именно это заменяло в сознании французов плебисцит о национальном самоопределении эльзасцев, который не решились провести немцы в 1871 г.

Это убеждение всецело разделялось и Ферри. Он восхищался теми «тысячами молодых людей, которые переходили границу, чтобы принять участие в жеребьевке» (призыве во французскую армию); «все эти храбрые эльзасцы бросаются в объятья Франции, которая ничего не делает для них и которой они вручают всё, что у них есть: свои руки и свою кровь»[18]. Откликаясь на завершение периода оптации, Ферри писал в январе 1873 г. оставшимся жить в Страсбурге двоюродному брату и его супруге: «Мои дорогие, сколько я думаю о вас, сколько плачу над вами из-за этого рокового срока, разорвавшего священную нить». Каков спектакль перед лицом истории, восклицал он далее, описывая эти «длинные вереницы эмигрантов в траурных одеждах», «этот протест,

[15] *Schivelbusch W.* Die Kultur der Niederlage. 2. Aufl. Berlin: Fischer Taschenbuch Verlag, 2007. S. 178–179.

[16] Jules Ferry à Charles Ferry, [avril 1872] // Ferry J. Lettres de Jules Ferry (1846–1893). Paris: Calmann Lévy, 1914. P. 140.

[17] *Roth F.* La Lorraine annexée: Étude sur la Présidence de Lorraine dans L'Empire alle-mande (1870–1914). 2nd éd. Nancy: Editions Serpenoise, 2007. P. 97–98.

[18] Jules Ferry à Charles Ferry, 29 août 1872 // Lettres... N 53. P. 165.

не имеющий равных в истории за исключением Польши, протест свободных духом против грубой силы, человеческого идеала справедливости против божьей несправедливости!»[19]

В период пребывания у власти Ферри, по понятным причинам, избегал болезненной темы будущего Эльзас-Лотарингии. Исключением стала его пламенная речь, обращенная юношам, бежавшим во Францию от германской военной службы, с которой он выступил 30 марта 1890 г. Очевидно, что на это выступление повлияло известие об отставке с поста канцлера Германской империи О. фон Бисмарка. Ферри уподобил Эльзас «изгнанной матери, с которой вы, лишенные ее ласки и поцелуев, можете видеться только издалека, но которая жива, дышит и ждет!» Достаточно приблизиться к вершинам Вогезов, чтобы услыхать по ту сторону «незатихающий крик протеста»[20]. Именно эта мысль в законченном виде войдет в его завещание три года спустя. Швейцарский посланник Шарль Ларди с иронией отмечал в этой связи, что дух выступления экс-главы правительства «оказался бы скорее дорог членам Лиги патриотов»[21].

В самом деле, слово «реванш» вовсе не было исключено из политического лексикона Жюля Ферри. Еще в феврале 1871 г. именно этим доводом он пытался убедить Гамбетту в ошибочности лозунга «войны до последней крайности» как пути революционизации войны с Германией. По мысли Ферри, главным было «спасти Республику, которая только и сможет подготовить Реванш»[22]. Однако важно учитывать, что реванш никогда не представлял ни для Гамбетты, ни для Ферри законченного политического проекта, плана подготовки к скорейшей войне. Для отцов-основателей Третьей республики эта тема была прежде всего еще одним способом отмежеваться от монархистов, санкционировавших в 1871 г. уступку Эльзас-Лотарингии Германии. Реванш умеренных республиканцев носил скорее метафорический характер и означал прежде всего возрождение страны. Тем не менее, Ферри, как уже было сказано, в полной мере был привержен культу памяти об утраченных провинциях как главных жертвах поражения 1870 г.[23]

Для очень многих своих сторонников и противников именно Гамбетта, с его непризнанием поражения и призывом к сопротивлению до последней возможности в годы недавней войны, оставался олицетворением реванша. Красноречив отклик Ферри на похороны Гамбетты, умершего 31 декабря 1882 г.: «Экстраординарные похороны, которыми Франция только что проводила своего героя, служат порукой Эльзасу в том, что ему рано отчаиваться в отношении “матери-

[19] Jules Ferry à monsieur et madame Édouard Ferry, 19 janvier 1873 // Lettres... N 58. P. 180–181.

[20] Цит. по: *Barral P.* Jules Ferry: Une volonté pour la République. Nancy, 1985. P. 74.

[21] *Hemmi B.* Kaiser Wilhelm II. und die Reichsregierung im Urteil schweizerischer diplomatischer Berichte 1888–1894. Zürich, 1964. (Zürcher Beiträge zur Geschichtswissenschaft. Vol. 13.). S. 62.

[22] Jules Ferry à Leon Gambetta, 8 février 1871 // Lettres... N 23. P. 100.

[23] *Turetti L.* Quand la France pleurait l'Alsace-Lorraine: Les “provinces perdues” aux sources du patriotisme républicain, 1870–1914. Strasbourg, 2008. P. 193.

родины". Столь мощное и глубокое пробуждение патриотизма заставляет верить в будущее. Пусть наши завоеватели убеждают себя в том, что Гамбетта унес с собой в могилу последний вздох реванша: это хорошо, это полезно, что они так думают, но ни один из тех, кто видел и понял великое утешительное зрелище последних бесподобных дней, не осмелится оскорбить сердце Франции»[24].

Реваншизм Ферри, как и подавляющего большинства его современников, был отнесен в неопределенное будущее и связывал восстановление престижа Франции с воспитанием нового поколения. Его убеждение проявлялось не только в осуществленной в качестве министра просвещения реформе французской школы на принципах обязательного, всеобщего, бесплатного и светского начального образования, построенного вокруг примата гражданского и патриотического воспитания. В одном из писем к своему 9-летнему племяннику Абелю он обращался к недвусмысленным аллегориям греко-персидских войн: «персы, это были тогдашние немцы. Французы похожи на афинян, самых возвышенных среди всех прочих тогдашних греков, но не настолько же удачливы, чтобы прогнать завоевателей. Я верю, что маленькие французы, твои сверстники, когда они достигнут своего двадцатилетия, тоже одержат свою победу при Саламине»[25]. Абель Ферри, ставший два десятилетия спустя продолжателем политической династии, вдохновляясь своим знаменитым дядей, в годы Первой мировой войны будет одним из самых активных деятелей парламентской комиссии по военным делам и погибнет на фронте в 1918 г.

Отношение Ферри к реваншу особенно хорошо оттеняло его полное и категорическое неприятие буланжистского движения. Находясь в тот момент не у дел, Ферри одним из первых указал на всю опасность образа действий энергичного военного министра: «генерал Буланже представляет собой внутреннюю и внешнюю угрозу обществу»[26]. Ферри видел в Жорже Буланже военного-демагога, который ничего в реальности не сделал для усиления французской армии и который тем не менее «играет на теме реванша», позволяя себе легкомысленную браваду в адрес Германии. Действия военного министра, как считал Ферри, грозили привести страну в ловушку. Он не верил в «запланированные к определенной дате» проекты войны против Франции со стороны ее соседки. И самым опасным в этой связи было «ввести Германию в состояние постоянной тревоги, которая проникнет в самые миролюбиво настроенные классы и которая позволит Германии без особого повода на нас наброситься»[27].

В одном из своих исследований Р. Жирарде справедливо подчеркивал, что с 1871 по 1945 г. для французского национализма на первый план выдвигается мотив внешней германской угрозы, а «понятие "границы" стало примордиа-

[24] Jules Ferry à Edouard Ferry, 8 janvier 1883 // Lettres... N 134. P. 330.

[25] Jules Ferry à Abel Ferry, 24 avril 1890 // Lettres... N 231. P. 522–523.

[26] Jules Ferry à David Raynal, 29 septembre 1886 // Lettres... N 183. P. 430–431.

[27] Ibid.

альным для всей общей системы ценностей»[28]. Жюль Ферри, однако, вполне трезво оценивал политику Бисмарка в отношении Франции, которую можно было описать в духе «политики сдерживания» и запугивания. Как он полагал, по ту сторону Рейна в отношении Франции ведут «своего рода бухгалтерию», итоги которой время от времени подводятся на страницах «Norddeutsche Allgemeine Zeitung». И особенно показателен в этой связи его анализ беседы с германским послом Гогенлоэ в августе 1883 г., посвященной очередной воинственной антифранцузской кампании в официозной прессе.

В ходе вышеупомянутого разговора посол заверял главу французского кабинета министров, что германский канцлер лишь хотел подготовить общественное мнение и германских парламентариев к необходимости выделения дополнительных средств на увеличение численности войск в Эльзас-Лотарингии: эти меры не имеют никакого угрожающего характера, они лишь «увеличивают шансы на мир». Германский посол не преминул, однако, пожаловаться на «непрекращающуюся и день ото дня всё менее скрываемую поддержку, которую французское общественное мнение оказывает непримиримым в Эльзас-Лотарингии», «которое имеет тенденцию представлять положение вещей, созданное Франкфуртским договором, как временное», на враждебные Германии французские издания, на дискриминацию немецких рабочих и т.д. Ферри саркастично оценивал всё это как «соус», «основным блюдом» к которому служила мирная телеграмма, смысл которой он трактовал так: «Мы собираемся предпринять меры военного характера в Эльзас-Лотарингии, и не вздумайте ответить нам тем же»[29]. В его понимании все «ответные» меры Берлина были призваны прежде всего укрепить во Франции позиции сторонников «мира любой ценой».

В отличие от многих своих современников Ферри не был склонен демонизировать германского канцлера и верил в искренность желания того поддерживать существующий порядок вещей в Европе. «Но не перестанешь ли быть добрым французом, если не будешь держать за символ веры то, что Бисмарк держит за ниточки весь мир?» — с иронией замечал он[30]. В годы пребывания Ферри у власти Франция и Германия неизменно проявляли добрую волю в разрешении пограничных инцидентов, избегая их возможной эскалации. Как уже было сказано, Ферри подходил к отношениям с Германией с большой долей прагматизма. Вовсе не считая «эльзас-лотарингский вопрос» закрытым, он был готов искать точки соприкосновения с ближайшим соседом в других частях мира. В своем желании достичь разрядки во франко-германских отношениях французский премьер, однако, ни на минуту не терял осторожности. Как отмечает П. Ренувен, Ферри удалось правильно увидеть в предложениях Бисмарка о тесном взаимо-

[28] *Girardet R.* Nationalismes et nation. Paris: Ed. Complexe, 1996. P. 47.

[29] Jules Ferry à Charles Ferry, 29 août 1883 // Lettres... N 160. P. 337–338.

[30] Jules Ferry à Joseph Reinach, 8 septembre 1886 // Lettres... N 182. P. 428; *Ferry J.* Cinq ans après (Préface) // Tonkin et la Mère-Patrie: témoignages et documents. Paris: Victor-Havard, 1890. P. 31.

действии в колониальных делах антибританскую подоплеку и избежать расставленной германским канцлером ловушки. Франция в годы его правления вовсе не была слепой марионеткой в руках искушенного руководителя германской дипломатии. Наоборот, курс Ферри в отношении Германии по праву может быть признан «наиболее оригинальной стороной» его внешней политики[31].

Большой заслугой Ферри в эти годы стало достижение беспрецедентного уровня взаимного доверия между французским и германским руководством в стремлении поддержания мира. Эту веру поддерживало и представление немцев о Ферри как человеке разумном, для которого должно быть очевидно, что «в настоящее время эта политика единственно практична и выгодна для Франции». Даже противники главы правительства не скрывали от германского посла Гогенлоэ, что до тех пор, пока Ферри находится у власти, иного курса ожидать не приходится[32]. Бисмарк в те же годы с трибуны Рейхстага публично заявлял о «дружественном и доверительном» характере взаимодействия с французским руководством, своей уверенности в «честности и искренности наших взаимных отношений». Бисмарк по дипломатическим каналам даже изъявлял готовность лично встретиться с Ферри, но тот прозорливо уклонился от этой чести.

Вполне вероятно, что в своем сближении с Германией Ферри преследовал и более амбициозные цели, нежели обеспечить спокойствие на восточной границе и развязать себе руки в колониальных захватах. На это может указывать его реакция на инициативу Бисмарка подписать соглашение о свободе французской и германской торговли в еще не поделенных частях Африки. Это само по себе стало бы беспрецедентным событием в послевоенной дипломатии двух стран. Однако Ферри был готов идти еще дальше. Его ответом стало предложение заключить полноценный франко-германский торговый договор. Но подтекст этого заманчивого предложения был далеко не безобиден. Подобное соглашение автоматически заменяло бы собой соответствующую статью 11 Франкфуртского мирного договора от 10 мая 1871 г.[33] По сути своей, речь шла о частичной ревизии того самого соглашения, на незыблемости которого (в особенности в отношении территориальных изменений) строилась вся послевоенная дипломатия Германской империи. Именно это объясняет всю уклончивость ответа Бисмарка, не клюнувшего, в свою очередь, на приманку своего французского визави.

Представление о Ферри как о ревизионисте подкрепляют также донесения швейцарского посланника в Париже Шарля Ларди. Из своих бесед с Ферри во второй половине 1880-х гг. тот вынес представление о том, что большие надежды связывала с предстоящими переменами на германском троне и во главе германского правительства часть французской правящей элиты. Пребывание

[31] *Poidevin R.* La politique extérieure de Jules Ferry, 1883–1885 // Jules Ferry: fondateur de la République: Actes du colloque. Paris, 1985. P. 215–216.

[32] Die grosse Politik der europaischen Kabinette, 1871–1914. Berlin, 1922. Bd. III. S. 442–443.

[33] Documents diplomatiques français. Paris, 1933. Ser. 1. Vol. V. N 376. P. 379. В тексте документа ошибочно говорится о «статье 17-й».

на посту канцлера Бисмарка делало немыслимым кардинальное изменение характера франко-германских отношений, хотя и гарантировало «худой мир» между соседями. Но германский канцлер как хранитель существующего порядка в Европе был не вечен, и это открывало перспективы пересмотра status quo. Ферри, если верить швейцарскому дипломату, всецело разделял подобные представления. Смерть французского политика в 1893 г. побудила Ларди охарактеризовать его кредо следующим образом: «что до внешней политики Ферри, то он мне ее выдал в день своей отставки, сказав, "Франция должна дождаться смерти трио 1870 года. Когда исчезнут старый Вильгельм, Мольтке и Бисмарк, мы уладим наши интересы наилучшим образом и как того допустит обстановка в Европе; до той поры нужно ждать". В глубине души Ферри хотел реванша, это определенно, но он имел храбрость не уступать направлению Лиги патриотов и полагался на время. Немцы полностью заблуждались, когда думали, что он меньший реваншист, чем прочие; он был им просто на другой манер, вот и всё»[34].

Можно сделать вывод о том, что в своем восприятии Германии Жюль Ферри разделял многие представления своего поколения. Он сохранил после франко-прусской войны трезвость оценок в отношении вчерашнего противника, в равной мере далеких как от воинствующего антигерманизма, так и от преклонения перед германской мощью. Ферри в полной мере разделял эмоциональную привязанность своих современников к отторгнутым от Франции провинциям и ее жителям, дополнительно усиливавшуюся его родственными и дружескими узами. Ни о каком забвении «эльзас-лотарингского вопроса» для него даже в пору наибольшего потепления отношений с Германией не могло быть и речи. Ферри хранил веру в то, что судьба Эльзас-Лотарингии не предопределена окончательно, и его государственная деятельность так или иначе была направлена на то, чтобы приблизить момент ее пересмотра.

Однако если и характеризовать Жюля Ферри как реваншиста, важно отметить, что реванш понимался им в максимально широком смысле — как возрождение Франции, восстановление ее позиций в мировой политике, консолидации ее общества. Только эти предпосылки делали возможным пересмотр итогов войны. Реванш как целенаправленная подготовка войны с Германией, ставшая целью пропаганды «Лиги патриотов», был ему чужд. Надежды Ферри оказались отнесены к неопределенному будущему и связывались с воспитанием нового поколения французов. Говоря в целом, восприятие Ферри соседней Германии, будущности франко-германских отношений отличалось многогранностью и далеко выходило за рамки клише, которыми традиционно описывается эта политическая фигура.

Несмотря на всю критику оппонентов, Ферри нельзя также рисовать и слепой марионеткой в руках Бисмарка. Мотивы действий германского канцлера, а также методы, которыми он стремился манипулировать Францией, были понятны главе французского правительства с удивительной ясностью. Ферри

[34] *Hemmi B.* Kaiser Wilhelm II. und die Reichsregierung im Urteil schweizerischer diplomatischer Berichte... S. 64.

имел немалую смелость в своей приверженности курсу на сближение с Германией и взаимодействие со вчерашней противницей по целому ряду вопросов международной политики. Его реальным достижением стал беспрецедентный уровень доверия между французским и германским руководством в искренности обоюдного стремления поддерживать мирные отношения. К подобной разрядке Франция и Германия вернутся на рубеже столетий с очередным обострением франко-британских колониальных противоречий. Однако в первой половине 1880-х гг., несмотря на всю осторожность правительства, этот курс по-прежнему вызывал отторжение и не был принят значительной частью французского общества и политической элиты.

Abstract

A. Bodrov. «The Footman of Bismarck»? Jules Ferry and Germany

The article considers one of such the most important and controversial figures of the French Third Republic in the first decades of its existence as Jules Ferry. He, one of the closest Leon Gambetta's collaborators and initiators of the broad program of reform of French educational system, is rightly named to be one of the Founding Fathers of the Third Republic. Jules Ferry is also known for his foreign policy, having been one of the main ideologists of the French colonialism. Namely this last fact made him a disreputable person in his numerous contemporaries and researchers imagining.

The author concentrates his attention on the French politician's perception of Germany and the German policy in respect of France. Ferry's attitude to the most central aspects of the French-German relations is particularly dealt with: Alsace-Lorraine's fate, French revanchism and general regard of the height of German threat to France. That brings us to revaluation of the whole range of established cliché's in estimation of Jules Ferry as a politician.

The author comes to the conclusion that Ferry shared to the full extent the emotional affection of his coevals to the detached from France provinces, which was additionally reinforced by his personal and familial ties. It was out of the question to him to bury in oblivion the problem of Alsace-Lorraine. The notion of revanche was far from being excluded from the Jules Ferry's political vocabulary, but it was never equal for him to the preparation to war against Germany. The revanche was perceived by him as regeneration of France, restoring its positions in global policy, consolidation of the French society. Ferry was not the tool in the Bismarck's hands. Causes of action and methods of manipulation of the German chancellor in regard of France were clearly understood by the French prime minister. The unprecedented level of mutual trust in one's another sincere aspiration for peace between French and German governments was a real achievement of his time in power.

Key words: Jules Ferry, Otto von Bismarck, French Third Republic, German Empire, Alsace-Lorraine, diplomacy, revanchism, imperialism.

References

Barral P. Jules Ferry, depute des Vosges // Jules Ferry: fondateur de la République: Actes du colloque. Paris, 1985.

Barral P. Jules Ferry: Une volonté pour la République. Nancy, 1985.

Caro E. Les deux Allemagnes. Madame de Stael et Henri Heine // Revue des Deux Mondes. 1871. 1 Nov. 2nd Période. T. 96.

Dictionnaire des Parlementaires français de 1789 à 1889 / Sous la Dir. Adolphe Robert & Gaston Cougny. Paris: Bourloton, éditeur, 1889.

Die grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914. Berlin, 1922. Bd. III.

Digeon C. La crise allemande de la pensée française (1870–1914). Paris, 1959.

Documents diplomatiques français. Paris, 1933. Ser. 1. Vol. V.

Ferry J. Cinq ans après (Préface) // Tonkin et la Mère-Patrie: témoignages et documents. Paris: Victor-Havard, 1890.

Ferry J. Discours et opinions de Jules Ferry / Publiés par Paul Robiquet. Paris: Armand Colin et Cie., 1898. T. V.

Ferry J. Discours et opinions de Jules Ferry / Publiés par Paul Robiquet. 2nd Partie. 1898. T. VII.

Ferry J. La République des citoyens. Paris, 1994. T. I.

Ferry J. Lettres de Jules Ferry (1846–1893). Paris: Calmann Lévy, 1914.

Fiaux L. Pages d'histoire contemporaine. Un malfaiteur public: Jules Ferry. Paris, 1886. P. 177.

Girardet R. Nationalismes et nation. Paris: Ed. Complexe, 1996. P. 47.

Hemmi B. Kaiser Wilhelm II. und die Reichsregierung im Urteil schweizerischer diplomatischer Berichte 1888–1894. Zürich, 1964. (Zürcher Beiträge zur Geschichtswissenschaft. Vol. 13.) S. 62.

Ozouf M. Unité nationale et unite de la pensée de Jules Ferry // Jules Ferry: fondateur de la République: Actes du colloque. Paris, 1985.

Poidevin R. La politique extérieure de Jules Ferry, 1883–1885 // Jules Ferry: fondateur de la République: Actes du colloque. Paris, 1985.

Rambaud A. Jules Ferry. Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1903.

Roth F. La Lorraine annexée: Étude sur la Présidence de Lorraine dans L'Empire alle-mande (1870–1914). 2nd éd. Nancy: Editions Serpenoise, 2007.

Schivelbusch W. Die Kultur der Niederlage. 2. Aufl. Berlin: Fischer Taschenbuch Verlag, 2007.

Turetti L. Quand la France pleurait l'Alsace-Lorraine: Les «provinces perdues» aux sources du patriotisme républicain, 1870–1914. Strasbourg, 2008.

Zeldin T. Francia, 1848–1945: Chestoljubie, ljubov i politika / Per. s angl. Ekaterinburg, 2004.

Manfred A. Obrazovanie russko-francuzskogo sojuza. M.: Nauka, 1975.